

ИНАКОСТЬ КАК КОММУНИКАТИВНАЯ КАТЕГОРИЯ

Е.Ю. Кислякова

В статье дается комплексное описание коммуникативной категории инакости в когнитивно-дискурсивном аспекте. Как компонент коммуникативного сознания данная категория имеет собственное содержание, отражающее коммуникативное взаимодействие говорящих в рамках оппозиции «Я – Другой». Категория инакости имеет собственный набор категориальных признаков, конкретизация которых варьируется в русском и английском языках. Выявлен ряд языковых средств и коммуникативных стратегий и тактик, реализующих данную категорию в художественной и масс-медийной коммуникации. В дискурсе инакость варьируема, что определяет как экологичный, так и неэкологичный модус общения.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: коммуникативное сознание, коммуникативная категория, инакость, категориальный признак, дискурс, экологичность / неэкологичность

КИСЛЯКОВА Евгения Юрьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка и методики его преподавания Волгоградского государственного социально-педагогического университета. kisjen@rambler.ru

Цитирование: Кислякова Е.Ю. Инакость как коммуникативная категория // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. 2018. № 1. С. 105–121. Режим доступа: www.tverlingua.ru

ALTERITY AS A COMMUNICATIVE CATEGORY

Evgenia Y. Kislyakova

The article renders a complex characterization of alterity as a communicative category in the cognitive and discursive aspects. Being part of the communicative consciousness the category has its own meaning presenting the communicative interaction within the frame “I – the Other”. The category of alterity has its own set

of category properties, which are differently specified in Russian and English. The article includes a description of the linguistic means and communicative strategies and tactics, with the help of which the category of alterity is realized in fiction and mass media. The category is variable in the discourse and it serves ground for the ecological and non-ecological mode of communication.

KEY WORDS: communicative consciousness, communicative category, alterity, category properties, discourse, ecological / non-ecological

KISLYAKOVA Evgenia Yu. – PhD in Philology, associate professor at the Department of the English Language and Methods of its Teaching of the Volgograd State Social Pedagogical University. kisjen@rambler.ru

Citation: Kislyakova E.Yu. Alterity as a communicative category // World of linguistics and communication: electronic scientific journal. 2018. № 1. P. 105–121. Access mode: www.tverlingua.ru

В данной статье описываются сущностные характеристики коммуникативной категории инакости в русском и английском языках. С философских позиций рассматриваемая категория признается бинарной по сути, т.к. включает значимое соотнесение одного с другим, при котором осознается общее и различное.

В общегуманитарном понимании инакость представляет собой категорию, посредством которой реализуются отношения Я и Другого в зависимости от следующих интерпретаций Другого: 1) Другой Я (Другой в структуре моего Я); 2) Другой как Ты (противоположность – любой Другой); 3) Другой как не-Я (отклонение от нормы Я); 4) Другой как носитель иной культуры (чужой) (Дорогавцева, 2006). С учетом разноуровневого характера отношения «Я-Другой» под инакостью нами понимается категория субъектно-субъектных и/или субъектно-объектных отношений в рамках оппозиции «Я – Другой», реализуемых в процессе самоидентификации, а также в межличностном, межгрупповом и межкультурном общении. Из

данного определения следует, что категория инакости значима для коммуникации, поскольку она обуславливает коммуникативную структуру интеракции.

Рассмотрение инакости в когнитивно-дискурсивном аспекте позволило охарактеризовать ее как коммуникативную категорию (о коммуникативных категориях см., напр.: (Стернин, 2003; Тахтарова, 2017; Шейгал, 2006) и др.), содержание которой отражает особенности коммуникативного сознания говорящих и влияет на формирование коммуникативной структуры любого дискурса. Данная категория имеет преимущественно имплицитный характер проявления в дискурсе, маркированный определенными языковыми и стилистическими средствами. Как у любой коммуникативной категории, коммуникативно значимое содержание инакости пересекается с понятием коммуникативной нормы, под которой мы понимаем принятые в обществе правила речевого общения, определяющие типы речевого поведения коммуникантов в разных ситуациях. В основе понятия коммуникативной нормы лежит принцип коммуникативной целесообразности, уместности / неуместности речевого поведения в определенной коммуникативной ситуации. Поэтому мы считаем, что выбор говорящим коммуникативной стратегии и тактики коммуникативного поведения существенно влияет на характер протекания коммуникативного взаимодействия и в результате отражается на эффективности и экологичности общения.

Коммуникативная категория инакости определяет ориентирующую функцию общения, когда Другой выступает средством адаптации в коммуникативной среде, а также манипулятивную функцию общения, которая допустима при неравноправном статусе коммуникантов, что может обуславливать конфликтный характер коммуникации.

Говоря о неравноправном статусе, мы имеем в виду в первую очередь коммуникативный статус, а не социальный. Примером, иллюстрирующим манипулятивные отношения в ситуации коммуникативного неравенства

говорящих, может являться рассказ Василия Шукшина «Срезал». Один из героев рассказа, Глеб Капустин, решает публично унизить бывшего односельчанина, достигшего более высокого социального статуса. В их разговоре Глеб занимает позицию всеправости и используя стратегии и тактики эгоцентричности мнения, перебивов, высокомерной оценочности, догматичности и категоричности, отвергает позицию Другого, что приводит к неэффективному общению:

- Не то, товарищ кандидат. Хотите, объясню, в чем моя особенность?

- Хочу, объясните.

- Люблю по носу щелкнуть – не задирайся выше ватерлинии!

Скромней, дорогие товарищи...

- Да в чем же вы увидели нашу нескромность? – не вытерпела Валя. – В чем она выразилась-то?

- А вот когда одни останетесь, подумайте хорошенько. Подумайте – и поймете. – Глеб даже как-то с сожалением посмотрел на кандидатов. – Можно ведь сто раз повторить слово «мед», но от этого во рту не станет сладко. Для этого не надо кандидатский минимум сдавать, чтобы понять это. Верно? Можно сотни раз писать во всех статьях слово «народ», но знаний от этого не прибавится. Так что когда уж выезжаете в этот самый народ, то будьте немного собранней. Подготовленной, что ли. А то легко можно в дураках очутиться. До свиданья. Приятно провести отпуск... среди народа. - Глеб усмехнулся и не торопясь вышел из избы. Он всегда один уходил от знатных людей (В. Шукшин. Срезал).

В предыдущих работах (см., напр.: Кислякова, 2017) нами была выявлена сложная концептуальная структура инакости, которая проявляется в ее бинарном распредмечивании посредством категориальных признаков - параметров данной категории. Эти параметры представляют собой оппозитивные субкатегории: *единство – множественность, тождество –*

подобие, сходство – различие, нормативность – ненормативность, свойственность – чуждость, определенность – неопределенность, реальность – гипотетичность.

В отличие от параметров исследуемой категории, само понятие инакость не имеет прямого противопоставления, которое могло бы объединить в рамках отношения «гипероним - гипоним» все антонимичные конкретизаторы признака *иной*. Инакость может быть противопоставлена как самости (Корепина, 2009), так и тождественности (Арутюнова, 1990). Лакунарность наиболее общего антонимичного признака компенсируется посредством антонимов различных конкретизаторов признака *иной* (*свой – чуждой, такой же – другой, схожий – различный, некий – определенный* и др.). Следовательно, инакость является размытой категорией, репрезентируемой в зависимости от ситуации общения посредством одного или нескольких из ее параметров. Примечателен и тот факт, что в английском языке соответствующий коррелят *otherness* также представляет собой понятие широкой семантики: *otherness – the quality of being strange or different* (LDCE, 1995).

Как показало наше исследование, конкретизация общего признака *иной* / *other* варьируется в русском и английском языках. Например, выявляются схожие значения, свойственные как английскому, так и русскому, языкам: «непохожесть», «отсутствие подобия» (*непохожий, не такой, несходный, отличный, другого рода, несхожий - different, clashing, conflicting, differential, disparate, dissimilar, divergent, diverse, inconsistent, unlike*); «разнообразный», «относящийся к одному классу / группе» (*другой, не тот, не этот – multifarious, assorted, heterogeneous, ill-matched, miscellaneous, mixed, sundry, varied, various*); «четкая противопоставленность / оппозиционирование» (*противоположный, противный, супротивный, обратный – opposed, opposite, contradictory, contrasting, incompatible*).

Также наблюдаются явные отличия концептуализации инакости средствами английского и русского языков: признак яркости, необычности на фоне других, индивидуальности, чужачества (*particular, peculiar, personal, singular, special, specific, unique, distinguishable, distinct, distinctive, eccentric, extraordinary, individual, irregular, original*); осмысление инакости как изменения, чего-то революционного и свежего в английской лингвокультуре (*revolutionary, fresh*); забавность, смехотворность, вычурность в русской лингвокультуре (*смешной, забавный, чудной, вычурный*).

Категория инакости имеет семантический (понятийный), а не грамматический статус, поскольку выражает «замкнутую систему значений некоторого универсального семантического признака безотносительно к степени его грамматикализации и способу выражения (скрытому или явному)» в английском и русском языках (ЛЭС, 2002). Тем не менее, нами был выявлен ряд лексико-грамматических средств, которые в определенном контекстуальном окружении выражают категорию инакости посредством того или иного ее параметра (например, синтаксические конструкции цитирования, сослагательного наклонения, императива и пр.). Рассмотрим следующий пример, иллюстрирующий случай непрямого цитирования: *Бенедикт натянул валенки, потопал ногами, чтобы ладно пришлось, проверил печную вьюшку, хлебные крошки смахнул на пол – для мышей, окно заткнул тряпичей, чтоб не выстудило, вышел на крыльцо и потянул носом морозный чистый воздух. Эх, и хорошо же! Ночная вьюга улеглась, снега лежат белые и важные, небо синее, высоченные клели стоят – не шелохнутся. Только черные зайцы с верхушки на верхушку перепархивают. Бенедикт постоял, задрал кверху русую бороду, сощурился, поглядывая на зайцев. Сбить бы парочку – на новую шапку, да камня нету.*

И мясца поестъ бы неплохо. А то все мыши да мыши – приелись уже
(Т. Толстая. *Кысь*).

Приведенный отрывок является зачином романа «Кысь», в котором вначале представлено авторское описание (*Бенедикт натянул валенки <...> Бенедикт постоял, задрал кверху русую бороду, сощурился, поглядывая на зайцев*), а потом все отчетливее посредством «непрямой речи» начинает распознаваться голос Другого – главного персонажа произведения (*Эх, и хорошо же!.. Сбить бы парочку – на новую шапку, да камня нету. И мясца поесть бы неплохо. А то все мыши да мыши – приелись уже*).

Исключительно в английском языке на фоне русского инакость репрезентирована синтаксическими оборотами с двойственной предикацией для актанта первого лица, свидетельствующими о когнитивном «расщеплении» говорящего (например, *I seem to be falling asleep*), эмфатическими конструкциями клефтинга (например, *It was Judy who had to read plain books*).

Как в русском, так и в английском языках, данной категории свойственна понятийно-смысловая «спаенность» с другими грамматическими категориями (например, модальностью, противительностью) и, следовательно, способность выступать в компрессированном виде с другими языковыми элементами, выражающими ее не явно, а косвенно.

Как известно, коммуникативные цели говорящих обуславливают выбор не только языковых средств, но и коммуникативных стратегий и тактик, релевантных для конкретной ситуации общения.

Как показал наш материал исследования, на каждом уровне отношений Я – Другой могут реализовываться конфирмативные и дисконфирмативные стратегии (см., напр.: Матьяш, 2011), направленные на признание / непризнание Другого как значимого коммуниканта. Конфирмация основывается на прескрипциях антиконфликтности, неимпозитивности и глорификации, а также вытекающих из нее установок на кооперативное общение (в т.ч. экологичное), митигацию и сохранение лица коммуникантов.

Соответственно, дисконfirmация имеет место в случаях сознательного или неосознанного нарушения данных прескрипций и установок. В этом случае происходит эгоцентризация мнения, в отличие от конfirmативной гиперстратегии, в результате которой коммуникативное взаимодействие иноцентриализовано.

В качестве примера конfirmативного общения приведем отрывок из романа Я. МакИвена «Искупление»: *Jean-Marie said, 'So it's true what they are saying. You're leaving.'*

'We'll be back.' He said this, but he didn't believe it <...>

They nodded solemnly and raised their glasses.

<...> *The Frenchmen gave courteous thanks, complimented Turner on his French...*

Henri Bonnet said, 'All that fighting we did twenty-five years ago. All those dead. Now the Germans back in France. In two days they'll be here, taking everything we have. Who would have believed it?'

Turner felt, for the first time, the full ignominy of the retreat. He was ashamed. He said, with even less conviction than before, 'We'll be back to throw them out, I promise you.' (Ian McEwan. *Atonement*).

Из макроконтекста произведения известно, что описанная беседа происходит между английскими солдатами и французскими крестьянами на их подворье в период оккупации Франции во время второй мировой войны. В микроконтексте романа имеет место репрезентация эмоционального переживания по поводу отступления британских войск в районе Дюнкерка, что на вербальном уровне отражено в выражениях *felt ... the full ignominy, he was ashamed*. Несмотря на то, что коммуниканты не равны по статусу и при этом являются представителями разных культур, коммуникация проходит в дружелюбном тоне, во многом благодаря переводческой компетенции главного героя Турнера и его эмпатической вовлеченности в проблемную ситуацию Другого. Турнер не отказывается от своего репликового шага в

неловкой ситуации признания несостоятельности себя как части целой армии, защищавшей французский суверенитет: будучи далеко не уверенным в возможности возвращения британских войск на территорию Франции, он все равно отдает предпочтение стратегии участливости и поддержки.

Несмотря на чувство обреченности, французские крестьяне приветливы, гостеприимны и вежливы в общении: они избегают высказываться негативно об отходе британских войск и с горечью констатируют неизбежность. Они делят свой последний хлеб с покидающими их британскими солдатами, т.к. понимают их удрученное состояние. Поэтому в описанной ситуации происходит активная мена коммуникативных ролей, шаговых реплик, что обусловлено коммуникативной стратегией собеседников (как англичан, так и французов). В итоге степень активности коммуникантов в данном примере квалифицируется как высокая: их видение собственной роли в дискурсе, вклад в ситуацию общения, отношение к себе и собеседнику являются средством достижения коммуникативной цели – поддержать друг друга в безвыходной ситуации.

Разноуровневый характер отношений Я и Другого (межличностный, межгрупповой, межкультурный) имеет особенности преломления как в художественной, так и реальной коммуникации (например, в сфере массмедиа): дискурсивный аспект позволяет увидеть варьирование инакости в рамках ее параметров с учетом изменения коммуникативного статуса коммуникантов и других параметров общения. В связи с этим категория инакости получает концептуальное развитие своего содержания, в частности, выявляются дополнительные конкретизаторы основных категориальных признаков инакости, а также тематика и целеполагание дискурса может задавать новые параметры инакости (например, в масс-медийном дискурсе выявляется дополнительный параметр *унификация - инакомыслие*).

Дискурсивная реализация категории инакости в художественной коммуникации актуализирует смыслы, которые могут варьировать

параметры инакости, что обуславливает определенный лингвопрагматический эффект. В качестве примера приведем сокращенный отрывок из романа Чингиза Айтматова «Плаха»: *Вслушиваясь в голоса софийских певцов, ... я вдруг обнаружил, что один из них, второй слева, ... очень похож на меня. Поразительно было увидеть человека, так похожего на тебя самого. Сероглазый, узкоплечий – его, наверное, тоже в детстве звали хиляком ... сочувствуя ему, я представлял себя на его месте, точно бы он был моим перевоплощением. Потом я уже не спускал глаз со своего двойника. Таким образом, я как бы участвовал в процессе пения... я слился с хором воедино, испытывая необыкновенное, доходящее до слез чувство братства, величия, общности (Ч. Айтматов. Плаха).*

В данном примере параметр *тождество - подобие* конкретизируется признаком *любой Другой как брат, моя вторая сущность*. Лингвопрагматический эффект, который оказывает выявленный признак, позволяет переосмыслить жесткую противопоставленность субъектов и объектов в окружающем мире. В результате рассматриваемый параметр выступает как градационная шкала, в соответствии с которой измеряется сокращающаяся дистанция между коммуникантами как похожих до почти тождественных. Таким образом, *тождество – подобие* преобразуется в *подобие ↔ почти-тождество ↔ тождество*.

В результате анализа контекстов (как художественных, так и масс-медийных), в которых эксплицитно или имплицитно репрезентирована категория инакости, мы пришли к выводу, что успешность коммуникативного взаимодействия во многом определяется умением конструировать Ино-образ собеседника и, исходя из этого, осуществлять адекватный выбор коммуникативных стратегий и тактик, а также языковых средств их реализации. Как компонент коммуникативного сознания говорящих Ино-образ определяется нами как результат сознательного или неосознанного воздействия одного коммуниканта на другого. Наряду с

самостью, Ино-образ представляет собой один из категориальных признаков инакости, он стоит в одном ряду с понятиями Я-образа, Другого Я и имеет собственное содержание – это ситуативно обусловленный образ коммуникативного партнера, который является значимым компонентом коммуникативного акта, т.к. на его основе может происходить формирование единого коммуникативного центра интеракции, а также становление всех возможных Я личности, которые складываются во взаимоотношениях с Другими Я.

Рассуждая о сущности коммуникации, В.В. Красных в качестве основной цели этого процесса называет воздействие личностей друг на друга (Красных, 2016: 53). В связи с этим, исследователь справедливо отмечает, что говорящий (субъект воздействия) моделирует для себя состояние сознания и тот фрагмент образа мира, которые, по его мнению, наличествуют у адресата (объект воздействия), а также желательные для себя состояние сознания и фрагмент образа мира у адресата (там же). Описанный здесь процесс двойного картирования образа мира коммуникантов во многом передает суть механизма формирования Ино-образа Другого.

Неспособность сконструировать адекватный Ино-образ Другого можно проиллюстрировать следующим примером из масс-медийного дискурса:

In the wake of the Paris attacks, the U.S. has turned against Syrian refugees. Here's why: ...Syrian refugees pose an immense security threat. So far, all they've brought about is a serious identity crisis for the U.S. (www.time.com). Данный пример вписывается в более широкий вербальный контекст, с помощью которого средствами американских СМИ конструируется образ беженца как образ врага. Кроме этого, сами США не понимают свою позицию в отношении беженцев из Сирии, что разоблачается на уровне языка в номинации *a serious identity crisis for the U.S.*

Пересечение со сферой Другого затрагивает эмоциональную сферу личности и определяет модус экологичности в той или иной

коммуникативной ситуации, объективирующей категорию инакости. Под экологичным общением в самом общем смысле мы понимаем общение, не несущее вреда здоровью и жизни человека. Согласно проведенному нами исследованию, роль Другого в формировании модуса экологичности / неэкологичности в коммуникации релевантна в отношении адекватного или ошибочного конструирования Ино-образа Другого. В качестве примера рассмотрим фрагмент аналитической статьи, написанной бывшим послом НАТО Робертом Хантером:

Pro-Moscow separatists in eastern Ukraine have escalated the political turmoil that threatens to tear the country apart. Failure would carry high costs. It would mean a long isolation for Russia, more conflict and suffering for Ukrainians and continued uncertainty for the rest of Europe. For the US, it could mean an end to valuable co-operation with Russia on issues such as the Iranian nuclear programme, and having to put off other important tasks around the world. And a permanent state of confrontation cannot be good for anyone.

American leadership is indispensable in Europe. Mr Putin does not take seriously ministrations by European leaders. The US, Russia's «equal» from cold war days, is the only diplomatic interlocutor he takes seriously. The allies also expect deeper US engagement. They sent troops to Afghanistan for one all-embracing reason: so the US would remain in Europe and deal with Russia, as only it can. For the sake of its own interests and Europe's, the US has to honour its part of that bargain (Robert Hunter, www).

Полагаем, что тактики предоставления читателю готовых выводов, навязывание своей позиции (*American leadership is indispensable in Europe*) основываются на пассивном принятии адресатом точки зрения автора, что позволяет адресанту осуществлять сознательное манипулирование информацией, варьируемое от умолчания (неполноты представленной информации - *Pro-Moscow separatists in eastern Ukraine have escalated the political turmoil that threatens to tear the country apart*) и определённого

структурирования материала (в том числе несбалансированности фактов и мнений) до полного искажения объективной реальности. Формирование неэкологичного взгляда на Другого, в свою очередь, формирует новое Я личности адресата, на которое будут нанизываться новые смысловые интерпретации (в данном случае неэкологичные) в дальнейших коммуникативных актах, и которые будут модифицировать Ино-образ нынешнего российского президента в сознании реципиентов. Например, статья в электронном издании *How Vladimir Putin Is Using Donald Trump to Advance Russia's Goals* уже только одним названием указывает на скрытую цель источника консолидировать сложившееся представление о В. Путине на Западе (*Russia's Goals, www*).

Как справедливо замечает А.А. Романов, «эффективная информационная бомбардировка «психически заражёнными» знаками различного плана и порядка способна в корне менять как восприятие внутреннего мира индивида, так и его поведение и психику, потому что каждый адресат создает свою «ментальную модель действительности» из привнесенных информационными потоками сконструированных образов» (Романов, 2017: 8). В связи со сказанным, можно сделать вывод, что в описанных выше новостных событиях прослеживается целеполагание избранной тематики как стратегия моделирования выгодного, поддающегося манипуляциям массового адресата, что является характеристикой неэкологичного модуса коммуникации, а сформировавшийся в массовом сознании Ино-образ российского президента будет задавать ожидаемую тему, неэкологичную тональность и прочие дискурсивные признаки новостных событий в англоязычных СМИ.

Как показал анализ нашего материала, в случае доминирования категориального признака самости в структуре отношений Я – Другой, инакость, характеризующая такие отношения, выступает как категория понижения качества жизни, неудовлетворенности ею и неуспешности в ней,

что является признаками неэкологичного общения, влияющего на здоровье человека. С другой стороны, возможна трансформация неэкологичного Другого в экологичного коммуникативного партнера. В основе всех этих изменений лежит сама природа человека, которая может быть доминантна как своей экологичностью, так и неэкологичностью. Для теории и практики общения важным представляется следующий вывод: даже кооперативные усилия одного из коммуникантов могут иметь эффект экологичности в любых эмоциональных ситуациях.

Таким образом, для поддержания экологичности коммуникативного взаимодействия необходимо формирование Ино-образа Другого, который должен быть адекватным ситуации общения, а это требует формирования особой компетенции – лингвоаллологической (от термина аллология – наука о Другом), что представляет перспективу данного исследования.

Источники – Primary Sources in Russian

Айтматов, 1987 – *Айтматов Ч.* Плаха. М.: Худож. лит., 1987.

Толстая, 2015 – *Толстая Т.Н.* Кысь: роман. М.: АСТ, 2015.

Шукшин, 2018 – *Шукшин В.М.* Срезал // <http://lib.ru>

Ссылки – References in Russian

Арутюнова, 1990 – *Арутюнова Н.Д.* Тождество и подобие (заметки о взаимодействии концептов) / Н.Д. Арутюнова (ред.). Тождество и подобие. Сравнение и идентификация // Логический анализ языка. М.: Наука, 1990. С. 7–32.

Дорогавцева, 2006 – *Дорогавцева И.С.* Проблема Другого в западной культуре: дис. ... канд. культурологи. Чита, 2006.

Кислякова, 2017 – *Кислякова Е.Ю.* Семантизация веры и фанатизма в парадигме инакости // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал, 2017. № 3. Режим доступа: www.tverlingua.ru

Корепина, 2009 - *Корепина Н.А.* Языковая реализация функционально-семантической категории самости. Автореф. дис.... канд. филол. наук. Иркутск, 2009.

Красных, 2016: 53 – *Красных В.В.* Словарь и грамматика лингвокультуры; Основы психолингвокультурологии. М.: Гнозис, 2016.

ЛЭС, 2002 – *Лингвистический энциклопедический словарь* / Арутюнова Н.Д., Виноградов В.А., Гак В.Г. и др. (ред.). М.: Научное изд-во «Большая Российская энциклопедия», 2002.

Матьяш, 2011 – *Матьяш О.И.* Язык в межличностной коммуникации / О.И. Матьяш и др. (ред.). Межличностная коммуникация: теория и жизнь. СПб.: Речь, 2011. С. 211–273.

Романов, 2017: 8 – *Романов А.А.* Роль дигитальной коммуникации в медийном пространстве информационного общества // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. 2017. № 1. С. 1–20. Режим доступа: www.tverlingua.ru

Стернин, 2004 – *Стернин И.А.* О понятии коммуникативного сознания и некоторых особенностях русского коммуникативного сознания / Уфимцева Н.В. (ред.). Языковое сознание: теоретические и прикладные аспекты: сб. статей. Москва - Барнаул: Изд-во Алт. ун-та. 2004. С. 36–63.

Тахтарова, 2017 – *Тахтарова С.С.* Коммуникативные категории в когнитивно-дискурсивной парадигме // Вестник Волгоградского государственного университета. 2017. Т. 16. № 2. С. 189–196.

Шейгал, 2006 - *Шейгал Е.И.* Концепты и категории дискурса / Шейгал Е.И. и др. (ред.). Человек в коммуникации: концепт, жанр, дискурс: сб. науч. тр. Волгоград: Парадигма, 2006. С. 24–39.

References

- Aitmatov, Ch. (1987) *Scaffold*, Moscow, Fiction Literature (in Russian).
- Arutyunova, N. (1990) Identity and Similarity (on the interrelation of the concepts) // *Logicheskiy analiz yazyka*, Moscow, pp. 7–32 (in Russian).
- Dorogavtseva, I. (2006) *The Problem of the Other in the Western Culture: dissertation*, Chita (in Russian).
- Kislyakova, E. (2017) The Semantics of *Faith* and *Fanatism* in the Paradigm of Alterity // *World of linguistics and communication: electronic scientific journal*. № 3. Access mode: www.tverlingua.ru (in Russian).
- Korepina, N. (2009) *Language Realization of the Functional Semantic Category of the Self*, Irkutsk (in Russian).
- Krasnykh, V. (2016) *The Dictionary and Grammar of the Lingvocultural Studies. The Basics of Psycholingvocultural Studies*, Moscow, pp. 53 (in Russian).
- LDCE, (1995) *Longman Dictionary of Contemporary English. The Complete Guide to Written and Spoken English*, Harlow, Longman House.
- Linguistic Encyclopedic Dictionary* (2002), Moscow (in Russian).
- Matyash, O. (2011) The Language in Interpersonal Communication // *Interpersonal Communication: Theory and Practice*, Saint-Petersburg, pp. 211–273 (in Russian).
- McEwan, I. (2007) *Atonement*, London.
- Robert, H. The west has failed to find a constructive role for Moscow (2018) // *The Financial Times* // <https://www.ft.com/content/528d1dcc-b6a3>
- Romanov, A. (2017) The role of digital communication in media space of information society // *World of linguistics and communication: electronic scientific journal*. № 1. pp. 1–20. Access mode: www.tverlingua.ru
- Russia's Goals // *How Vladimir Putin Is Using Donald Trump to Advance Russia's Goals* (2016) // <http://www.newsweek.com/2016/09/09/vladimir-putin-donald-trump-493946.html>

Sheigal, E. (2006) The Concepts and Categories of the Discourse // *The Human-being in communication: concept, genre, discourse*, Volgograd, pp. 24–39 (in Russian).

Shukshin, V. (2018) *Cut short* // <http://lib.ru> (in Russian).

Sternin, I. (2004) On the Notion of the Communicative Consciousness and Some Peculiarities of the Russian Communicative Consciousness // *The Linguistic Consciousness and Applied Aspect*, Moscow – Barnaul, pp. 36-63 (in Russian).

Takhtarova, S. (2017) The Communicative Categories in the Cognitive Discursive Paradigm // *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta*, V. 16, № 2, pp. 189–196 (in Russian).

Tolstaya, T. (2015) *The Slynx*, Moscow, ACT (in Russian).